

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ГУРЬЯНОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Российская Федерация)
gurian@academ.org

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ В ИЗУЧЕНИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Характеризуются подходы к изучению старообрядчества, которые позволяют найти объяснение его многовекового существования в противостоянии с официальной Церковью и причин его привлекательности для населения. Актуальность темы обусловлена необходимостью не только дополнить, но и углубить представления о расколе в Русской церкви, причинах возникновения оппозиции и успешных действиях против реформы, начатой патриархом Никоном, а также быстрого превращения ее в широкое религиозно-общественное движение. Обращено внимание на работы современных исследователей, посвященные изучению творческого наследия Сергия Шелонина, что позволило по-новому представить ранний этап формирования оппозиции церковной реформе и сделать вывод о перспективности расширения источниковой базы для изучения старообрядчества. Расширение источниковой базы, научная публикация памятников письменности, созданных в старообрядческой среде, их анализ с применением современных междисциплинарных подходов – весьма перспективный путь, в чем убеждают работы Е. М. Юхименко. Этот путь дает возможность объективно оценить удивительную способность этого религиозно-общественного движения адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, сохранять привлекательность пропагандируемых идей не только для адептов, но и для новых членов.

Ключевые слова: старообрядчество, согласия, традиционализм, книжная культура, «канон священных текстов», духовная жизнь общин

Для цитирования: Гурьянова Н. С. О некоторых итогах и перспективах в изучении старообрядчества // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 58–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.372

ВВЕДЕНИЕ

Старообрядчество в качестве религиозно-общественного движения уже более века находится в центре исследовательского внимания ученых различных направлений гуманитарного знания. Профессора богословия, философы, историки, филологи, психологи пытались найти объяснение быстрого превращения внутрицерковной оппозиции в широкое движение и его длительного существования в противостоянии с официальной Церковью и светской властью. До настоящего времени проблема удивительной способности старообрядчества сохранять привлекательность идей для населения, а также адаптироваться к изменяющимся условиям окружающего мира продолжает интересовать исследователей.

Старообрядцы сумели сохранить верность принципам, которые были сформулированы первым поколением противников церковной реформы, начатой патриархом Никоном. Они справедливо считаются традиционалистами, поскольку основополагающим для них стал принцип следования старине. Привлекательность движения для населения и длительность его существования не могут быть объяснены консерватизмом идеологических постулатов движения. Распространение в народе популярных идей, обеспечивающих пополнение рядов сторонников, сле-

дует искать в богатстве духовной жизни общин, которая была обусловлена высочайшим уровнем книжной культуры защитников старого обряда. Представители этого религиозно-общественного движения оставили уникальную источниковую базу, позволяющую получить представление об идеологии, религиозной и бытовой жизни его участников.

Уже исследователи XIX века осознали, что, особенно после разделения на поповское и беспоповское направления, необходимо изучать не движение в целом, а по самостоятельным или родственным согласиям. Они обратились к памятникам письменности, написанным в защиту отстаиваемой точки зрения на обряд и богослужебную практику перед лицом официальной Церкви, а также в полемике внутри согласия или в дискуссиях с другими. Публикация этих текстов стала важным этапом в изучении старообрядчества, поскольку в них проступала напряженность духовных исканий авторов, попытки найти ими ответы на сложные богословские вопросы, решить проблемы религиозной и бытовой жизни общин.

История изучения старообрядчества достаточно хорошо освещена во введениях к монографиям по теме, а также в специальных историографических исследованиях (см., например:

[3], [4], [5], [10]). Особо следует отметить две статьи американского русиста Р. О. Крамми, исследовательские работы которого по истории старообрядчества давно стали классикой. В статье «Старообрядчество как народная религия: Новые подходы» были обозначены перспективные пути изучения этого религиозно-общественного движения с использованием современного методологического инструментария [19]. В статье «Прошлые и современные интерпретации староверия» был представлен взгляд западного ученого на процесс изучения старообрядчества [20]. В последнее время возобновился интерес к проблеме раскола в Русской церкви, к истории старообрядчества, формированию идеологии согласий, религиозной жизни общин, их участию в российских модернизационных процессах, а главное, в сохранении национальных культурных традиций.

Разумеется, это обусловлено наличием уникальной источниковой базы, опубликованной во второй половине XIX – XX веках, а также дошедшей до нас в рукописях, хранящихся в государственных и частных собраниях, в том числе и в общинных библиотеках. Не менее значимым для исследователей является наличие очагов, в которых продолжалась активная религиозная жизнь, несмотря на преследования, а в последнее время этому способствовал факт возрождения функционирования центров согласий. В научном плане столь частое обращение к теме старообрядчества вполне объясняется необходимостью углубить наши представления об этом религиозно-общественном движении, применяя новые подходы для решения научных проблем, которые появились благодаря последствиям методологических поворотов в исследованиях гуманитариев в конце XX – начале XXI века¹.

Много уже сделано на этом пути. Важно определить, в каком направлении следует двигаться в изучении старообрядчества, чтобы не только дополнить классические исследования отечественных и западных ученых решением частных вопросов, но и попытаться по-новому подойти к анализу письменных источников, в которых нашли отражение процесс оформления идеологии движения, интенсивная духовная жизнь общин, книжная и художественная культура защитников старого обряда. Речь идет не только об анализе уже известных памятников письменности, но и о необходимости расширения источниковой базы. Все это позволит углубить наши представления об этом религиозно-общественном движении, приблизиться к пониманию феномена старообрядчества.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ СЕРГИЯ ШЕЛОНИНА

Современные исследователи сделали много в этом направлении, продолжив введение в науч-

ный оборот новых памятников письменности, осуществив их научные публикации, сопровождаемые анализом с применением современных методов интерпретации текстов. В качестве примера, в котором исследователи продемонстрировали подобный подход и получили соответствующие результаты, можно указать на работы О. В. Панченко и О. С. Сапожниковой. Три статьи О. В. Панченко посвящены введению в научный оборот новых письменных источников по истории Соловецкого восстания. Открытое и длительное противостояние царским войскам всегда было в центре внимания исследователей. О. В. Панченко сумел дополнить наши представления об этом событии, обнаружив неизвестные ранее памятники соловецкой книжности. Научные публикации этих текстов предварены введениями, в которых представлен профессиональный анализ содержания и охарактеризованы их возможности в качестве исторических источников. Такое сочетание делает выводы автора убедительными и открывает перспективы для использования этих текстов другими исследователями [6], [7], [8]. Подобным образом О. В. Панченко осуществил научную публикацию памятника исторической мысли XVII века – Хронографа особого состава Сергия Шелонина [9]. Во вводной статье автор привел веские аргументы в пользу самостоятельности и ценности этого историографического труда соловецкого книжника, который ранее рассматривался только в качестве литературного «конвоя» его знаменитого Азбуковника. При этом сделал совершенно справедливое замечание, что 15 исторических статей, присоединенных к Хронографу, которые представляют собой выписки из разных памятников исторического содержания, составляют с его текстом единое целое [9: 363]. Далее О. В. Панченко дал научное описание сборника, включая подробную роспись содержания [9: 364–369], охарактеризовал литературные источники Хронографа, указал конкретные рукописи Соловецкой библиотеки, которые были использованы Сергием [9: 370–374]. Детальный исследовательский комментарий текста Хронографа, явившийся результатом включения его в контекст современных исторических сочинений с характеристикой авторских приемов соловецкого книжника, особенностей повествования, позволил показать ценность этого историографического труда для изучения исторической мысли XVII века, а также формирования основ идеологии будущего религиозно-общественного движения [9: 374–392].

Весомый вклад в углубление изучения творческого наследия русского книжника XVII века Сергия Шелонина внесла О. С. Сапожникова. В монографии «Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность» она

обратилась к уточнению биографии и провела работу по выявлению круга рукописей, связанных с именем Сергия Шелонина [12]. Разыскания О. С. Сапожниковой подтвердили высказываемое ранее исследователями мнение о влиянии Сергия на формирование оппозиционных настроений в Соловецком монастыре по отношению к реформе в Русской церкви, начатой патриархом Никоном. Более того, в монографии благодаря тщательному, профессиональному анализу текстов рукописей, связанных с именем Сергия, сделан убедительный вывод о том, что именно он заложил основы для формирования платформы из фрагментов текстов, которые будут служить аргументами при доказательстве незаконности нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви. Автор сумела значительно расширить круг привлекаемых для этого источников.

Обращение современных исследователей к углубленному изучению творческого наследия Сергия Шелонина позволило внести существенное уточнение в наши представления о начальном этапе религиозно-общественного движения. Соловецкий книжник охарактеризован не только как вершина древнерусской учености, но и как представитель того слоя противников церковной реформы, которые своими трудами заложили основы идеологии движения и обусловили высочайший уровень книжной культуры старообрядцев.

ИССЛЕДОВАНИЯ Е. М. ЮХИМЕНКО

Труды другого современного исследователя, Елены Михайловны Юхименко, посвящены изучению научных проблем, связанных с историей существования религиозно-общественного движения в широком хронологическом диапазоне – от начального этапа до современности. Ее фундаментальные работы и многочисленные статьи по истории Выговской поморской пустыни и других центров старообрядчества, опирающиеся не только на анализ известных памятников письменности, но и на вновь введенные ею в научный оборот, внесли существенный вклад в углубление наших представлений об этом движении [14], [16], [17]. Несомненной заслугой Е. М. Юхименко является осуществленная ею научная публикация значительного количества письменных источников [1], [13], [15].

Не менее значимы для определения новых подходов к изучению старообрядчества пять выпусков сборников научных статей «Старообрядчество в России (XVII–XX вв.)», издание которых осуществлено Е. М. Юхименко начиная с 1994 года. Выступая ответственным редактором, составителем и автором, она сумела, включая статьи историков, филологов, экономистов, искусствоведов, специалистов по рукописной и старопечатной книге, показать перспективность и необходимость междисциплинарного подхода

для решения научных проблем изучения этого религиозно-общественного движения. В монографии «Старообрядчество: История и культура» Е. М. Юхименко обобщила результаты многолетнего исследования сложного религиозно-общественного движения, каковым является старообрядчество. В работе, благодаря использованию значительного количества документальных источников, как известных ранее науке, так и вновь введенных в научный оборот, их высоко профессиональному анализу с использованием современных методов, автору удалось представить историю старообрядческих центров. Убедительно показан процесс образования центров распространения старообрядчества, разделения его на два направления – поповское и беспоповское, в которых стали формироваться самостоятельные согласия. Е. М. Юхименко сумела охарактеризовать основные центры старообрядчества двух направлений и показать их роль в распространении учения и в формировании идеологии движения. Все рассуждения, заключения и выводы сопровождаются не только ссылками на источники, цитированием важных фрагментов, но и иллюстрациями, в которых воспроизведено изображение документа или материала, способного передать дух эпохи. Особый раздел монографии посвящен анализу дискуссионных вопросов истории старообрядчества. Е. М. Юхименко вносит определенный вклад в их решение, представив новые документальные свидетельства, в которых опровергаются существующие мифы, показана реальная судьба центров согласий, старообрядческих общин перед и после революции 1917 года. Все это сопровождается большим количеством иллюстративного материала [18].

Разумеется, ряд исследователей, определивших направление поиска путей для новых подходов к изучению старообрядчества, можно продолжить. Объем статьи позволил только обозначить этот процесс, сосредоточив внимание на весьма перспективном курсе. Обращение к творческому наследию Сергия Шелонина, выявление новых рукописей, документальных свидетельств и анализ их с применением современных методов позволили петербургским исследователям по-новому представить ранний этап формирования оппозиции церковной реформе, начатой патриархом Никоном. Еще более убеждают в правильности такого подхода работы Е. М. Юхименко, посвященные изучению старообрядческого движения в целом. Предпринятые ею научные издания значительного количества памятников письменности, как известных ранее, так и вновь вводимых ею в оборот, их профессиональный анализ, исследовательские статьи и монографии позволили прояснить даже известные события из истории старообрядческого движения, показать богатство духовной жизни общин. Естественно, особое внимание при этом

обращено на сохранение защитниками старого обряда национальных традиций, но не менее важным представлена и способность их адаптироваться к изменяющимся условиям жизни. Такой подход к изучению старообрядчества дает возможность приблизиться к объяснению его многовекового существования в качестве общественно-религиозного движения, пережившего периоды жестоких гонений, преследований Церковью и светской властью. Принцип следования национальным традициям в религиозной жизни, провозглашенный в качестве основополагающего первым поколением противников церковной реформы, несомненно, сыграл свою роль в превращении оппозиции в широкое религиозно-общественное движение. Разыскания оппозицией аргументов в виде фрагментов текстов, найденных в старинных рукописях и старопечатных книгах, в пользу своей точки зрения закончилось формированием, как точно обозначил этот фонд Р. О. Крамми, «канона священных текстов» [19].

ЗАЩИТНИКИ СТАРОГО ОБРЯДА И КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Иноки Соловецкого монастыря начали поистине свидетельств о незаконности нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви с первых шагов патриарха Никона. Они во многом определили круг авторитетных книг и рукописей, обеспечили высочайший уровень книжной культуры при оформлении найденных выписок в защиту отстаиваемой точки зрения и представили их безусловно авторитетными для оппонентов. В следующем столетии защитники старого обряда сумели не только использовать отобранные ранее фрагменты, но и значительно увеличить их количество, расширить круг исходных текстов, а также дополнить вполне научными для того времени методами работы с памятниками письменности.

Богатство духовной жизни общин и привлекательность идей, сформулированных лидерами движения, вполне объясняются высочайшим уровнем книжной культуры, которая была унаследована от первого поколения противников церковной реформы и стала характерной чертой для центров согласий. Это было обусловлено необходимостью защищать перед лицом официальной Церкви право оставаться в оппозиции к новшествам, а после образования самостоятельных согласий, оформления их идеологии не менее бурные дискуссии развернулись по вопросам религиозной и бытовой жизни внутри движения. Все это стимулировало повышать уровень книжной культуры, дополнив его вполне научными методами работы с памятниками письменности, которые старообрядцы освоили на целое столетие раньше официальной науки². Разумеется, речь идет не об освоении каждым членом общины текстов рукописей и старопечатных книг,

привлекаемых в качестве аргументов при доказательстве отстаиваемой точки зрения на новшества, введенные в обряд и богослужебную практику Русской церкви, а только об использовании в сочинениях и в дискуссиях «канона священных текстов». В его формировании приняли участие многие поколения защитников старого обряда. Его составили фрагменты из Священного Писания, святоотеческого предания, авторитетных рукописей и старопечатных книг.

Рукописные сборники давали возможность не только сохранить уже отобранные цитаты, но и увеличить их количество, а также круг используемых рукописей и старопечатных книг. Каждый фрагмент копировался с точным указанием на исходный текст, и приводились свидетельства о его авторитетности. Состав этого фонда текстов постоянно увеличивался, но основа, отобранная первым поколением противников реформы, сохранялась. Соловецкими иноками в круг авторитетных текстов были включены издания Московского печатного двора первой половины XVII века, в которых нашла отражение ориентация Русской церкви на творческое наследие Киевской митрополии. В период оформления идеологии вновь образованных согласий эти тексты стали важными аргументами в пользу отстаиваемой точки зрения. Постепенно отобранные несколькими поколениями старообрядцев выписки стали обозначаться в качестве «священных текстов» и восприниматься как «Божественное Писание». Основа «канона священных текстов» была общей для всего движения, отличаясь только внесенными дополнениями, отражающими особенности религиозной жизни направления, согласия или общины. Опираясь на эти цитаты, старообрядцы отстаивали свою точку зрения на обряд и богослужебную практику перед лицом представителей официальной Церкви, а также излагали основы идеологии, предлагали решение дискуссионных вопросов религиозной и бытовой жизни внутри движения. С этими текстами все члены сообщества знакомились в письменной или устной форме. Это позволяло принимать участие в обсуждении актуальных вопросов религиозной и бытовой жизни не только лидерам, но и рядовым членам общин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенностью старообрядчества как религиозно-общественного движения было осознание каждым его членом возможности обращаться к текстам Священного Писания с целью прояснить смысл, то есть предложить толкование отдельного фрагмента или какого-либо религиозного постулата. Этим обстоятельством следует объяснить уникальность источниковой базы, в которой нашла отражение интенсивность духовной жизни общин, поскольку сохранилось большое количество памятников письменности

с изложением авторами своей точки зрения на актуальные вопросы религиозной жизни, политических взглядов и социальных чаяний.

Все это делает изучение старообрядчества привлекательным для гуманитариев, поскольку обеспечивает ученых источниками для решения актуальных научных проблем на современном методологическом уровне с применением междисциплинарных подходов. Отметив огромное количество опубликованных в России и за рубежом монографий и статей, посвященных исследованию старообрядчества, в статье созна-

тельно обращено внимание на характеристику некоторых современных работ, чтобы продемонстрировать перспективность реализованного авторами подхода. Введение в оборот новых памятников письменности, их научное издание и анализ дают возможность если не объяснить, то более объективно оценить удивительную способность этого религиозно-общественного движения адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, сохранять привлекательность пропагандируемых идей не только для адептов, но и для новых членов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О последствиях методологических поворотов в историографии см.: [11].

² Об этом подробно см.: [2: 22–44]; Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг.: 9-я Гос. тип., 1921. 66 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Под. ред. Д. С. Лихачева и др. Т. 19: XVIII век / [Подгот. текстов и коммент. Е. М. Юхименко]. СПб.: Наука, 2015. 851 с.
2. Козлов В. П. Тайны фальсификации. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1996. 272 с.
3. Кузоро К. А. Церковная историография старообрядчества: возникновение и эволюция (вторая половина XVII – начало XX в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. 180 с.
4. Молзинский В. В. Очерки русской дореволюционной историографии старообрядчества. СПб.: СПбГУКИ, 2001. 304 с.
5. Молзинский В. В. Старообрядческое движение второй половины XVII века в русской научно-исторической литературе. СПб.: СПбГАК, 1997. 240 с.
6. Панченко О. В. «Сказание о чудесах и явлениях преподобного отца Сумского нового чудотворца» // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 473–482.
7. Панченко О. В. Соловецкие повести о «видениях» 1668 г. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 465–472.
8. Панченко О. В. Соловецкий сборник Повестей о чудесах и знамениях 1662–1663 гг. // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 444–464.
9. Панченко О. В. Хронограф Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря / Отв. ред. О. В. Панченко. СПб.: Наука, 2010. С. 361–512.
10. Пушкарев С. Историография старообрядчества // Журнал Московской Патриархии. 1998. № 7. С. 62–72.
11. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
12. Сапожникова О. С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 560 с.
13. Семен Денисов. История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / Изд. подгот. Н. В. Понырko и Е. М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2002. 272 с.
14. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: [В 2 т.] / Науч. ред. Н. В. Понырko. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.
15. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: [В 2 т.]. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 568 с.
16. Юхименко Е. М. Поморское староверие в Москве и храм в Токмаковом переулке. М.: [б. и.], 2008. 168 с.
17. Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М.: Языки славянской культуры, 2005. 238 с.; 2-е изд. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 280 с.
18. Юхименко Е. М. Старообрядчество: История и культура. М.: Криница, 2016. 852 с.
19. Grumey R. O. Old Belief as Popular Religion: New Approaches // Slavic Review. 1993. No 52. P. 700–712.
20. Grumey R. O. Past and Current Interpretations of the Old Belief // Russian Dissident Old Believers 1650–1950. (G. V. Michels and R. L. Nichols, Eds.). Minnesota: Minnesota Press, 2009. P. 39–51. (Minnesota Mediterranean and East European Monographs, No 19).

Поступила в редакцию 18.06.2019

Natalia S. Gurianova, Doctor of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

SOME RESULTS AND PROSPECTS IN THE STUDY OF THE OLD BELIEVERS

The article characterizes the approaches to the study of Old Belief which will enable to find an explanation of its centuries-old existence in opposition to the official church, as well as its appeal for ordinary people. The relevance of the topic is due to the need not only to complement, but also to deepen our understanding of the schism in the Russian Orthodox Church, the genesis of the opposition and successful actions against the reform of Patriarch Nikon, as well as its rapid transformation into a broad religious and social

movement. The article focuses on the works of modern researchers studying the creative legacy of Sergius Shelonin. This led to the conclusion about the potential of expanding the set of sources for the study of the Old Believers. The works of E. M. Yukhimenko also convinced us that the expansion of the set of sources, academic publishing of texts written by the Old Believers, and their analysis using modern interdisciplinary approaches would be very promising. This approach makes it possible to estimate, if not explain, more objectively the amazing ability of this religious and social movement to adapt to changing conditions of life and to preserve the attractiveness of the propagated ideas not only for its adherents, but also for new members.

Keywords: Old Belief, community, traditionalism, literary culture, “canon of sacred texts”, the spiritual life of communities

Cite this article as: Gurianova N. S. Some results and prospects in the study of the Old Believers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 58–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.372

REFERENCES

1. Library of literature of Old Russia. (D. S. Likhachyov et al., Ed.). Vol. 19: XVIII century. (E. M. Yukhimenko, Prep., Comm.). St. Petersburg, 2015. 851 p. (In Russ.)
2. Kozlov V. P. Secrets of falsification. 2nd ed. Moscow, 1996. 272 p. (In Russ.)
3. Kuzoro K. A. Ecclesiastical historiography of Old Belief: origin and evolution (second half of the XVII – the early XX centuries). Tomsk, 2011. 180 p. (In Russ.)
4. Molzinskiy V. V. Essays on the Russian pre-revolutionary historiography of Old Belief. St. Petersburg, 2001. 304 p. (In Russ.)
5. Mozlinskiy V. V. The Old Believers movement of the late XVII century in Russian scientific historical literature. St. Petersburg, 1997. 240 p. (In Russ.)
6. Panchenko O. V. “Tale of miracles and visitations of the Reverend Father and wonder-worker of Suma”. *Centers of book production in Old Russia: The Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2001. P. 473–482. (In Russ.)
7. Panchenko O. V. Solovetsky tales of “visions” in 1668. *Centers of book production in Old Russia: The Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2001. P. 465–472. (In Russ.)
8. Panchenko O. V. Solovetsky miscellany of tales of miracles and signs in 1662–1663. *Centers of book production in Old Russia: The Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2001. P. 444–464. (In Russ.)
9. Panchenko O. V. Chronograph of Sergius Shelonin. *Centers of book production in Old Russia: Book heritage of the Solovetsky Monastery*. (O. V. Panchenko, Ed.). St. Petersburg, 2010. P. 361–512. (In Russ.)
10. Pushkarev S. Historiography of Old Belief. *Zhurnal Moskovskoy Eparkhii*. 1998. No 7. P. 62–72. (In Russ.)
11. Repina L. P. Historical science at the turn of the XX and XXI centuries: social theories and historiographical practice. Moscow, 2011. 560 p. (In Russ.)
12. Sapozhnikova O. S. Russian scribe of the XVII century Sergius Shelonin. Editorial work. Moscow, St. Petersburg, 2010. 560 p. (In Russ.)
13. Simeon Denisov. Fathers of the Solovetsky Monastery and their sufferings: Illustrated copy from the collection of F. F. Mazurin. (N. V. Ponyrko and E. M. Yukhimenko, Prep.). Moscow, 2002. 272 p. (In Russ.)
14. Yukhimenko E. M. The Vyg Old Believers’ Monastery: Spiritual Life and literature. In 2 vols. (N. V. Ponyrko, Ed.). Moscow, 2002. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 480 p. (In Russ.)
15. Yukhimenko E. M. Literary heritage of the Vyg Old Believers’ Community. In 2 vols. (N. V. Ponyrko, Ed.) Moscow, 2008. Vol. 1. 688 p.; Vol. 2. 568 p. (In Russ.)
16. Yukhimenko E. M. Pomor Old Belief in Moscow and the church in Tokmakov Lane. Moscow, 2008. 168 p. (In Russ.)
17. Yukhimenko E. M. Old Believers’ Center behind the Rogozhskaya Outpost. Moscow, 2005. 238 p.; 2nd ed. Moscow, 2012. 280 p. (In Russ.)
18. Yukhimenko E. M. Old Belief: History and culture. Moscow, 2016. 852 p. (In Russ.)
19. Crumme R. O. Old Belief as popular religion: New approaches. *Slavic Review*. 1993. No 52. P. 700–712.
20. Crumme R. O. Past and current interpretations of the Old Belief. *Russian dissident Old Believers 1650–1950*. (G. B. Michels and R. L. Nichols, Eds.). Minnesota, 2009. P. 39–51. (Minnesota Mediterranean and East European Monographs, No 19).

Received: 18 June, 2019